

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
21 September 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 3105/2018* ** ***

<i>Сообщение представлено:</i>	Андреем Михаленей, также от имени своего сына Алексея Михалени (представлен адвокатом Андреем Полудой)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор сообщения и его сын
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	30 января 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 1 февраля 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	21 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	вынесение смертного приговора по итогам несправедливого судебного разбирательства
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	право на жизнь; пытки; жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; свобода и личная неприкосновенность
<i>Статьи Пакта:</i>	пункты 1 и 2 статьи 6, статья 7, пункты 1–4 статьи 9 и пункты 1, 2, и 3 а), b), d) е) и g) статьи 14
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	статья 2 и пункт 2 b) статьи 5

* Приняты Комитетом на его сто тридцать второй сессии (28 июня — 23 июля 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафаа Ашраф Мохарам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Данкан Лаки Мухумуза, Фогини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Сох, Кобойя Чамджа Кпча, Элен Тигруджа и Гентиан Зюбери.

*** В приложении к настоящим Соображениям приводится особое мнение членов Комитета Яда Бена Ашура и Элен Тигруджа (согласное).

1.1 Автором сообщения является гражданин Беларуси Андрей Михаленя. Сын автора, Алексей Михаленя, также гражданин Беларуси, 1984 года рождения, на момент представления сообщения ожидал приведения в исполнение смертного приговора. Автор утверждает, что государство-участник нарушило права его сына, предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 6, статьей 7, пунктами 1–4 статьи 9 и пунктами 1, 2 и 3 а), b), d), e) и g) статьи 14 Пакта. Он также утверждает, что государство-участник нарушило его собственные права по статье 7 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Беларуси 30 декабря 1992 года. Авторы представлены адвокатом.

1.2 В соответствии с правилом 94 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, 1 февраля 2018 года обратился к государству-участнику с просьбой не приводить в исполнение смертный приговор в отношении сына автора, пока дело находится на рассмотрении Комитета.

1.3 17 июля 2018 года Комитету стало известно, что, несмотря на просьбу о принятии временных мер, сын автора был казнен. 19 июля 2018 года Комитет, вновь действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, просил государство-участник в срочном порядке дать разъяснения в этой связи, обратив его внимание на тот факт, что несоблюдение государствами-участниками временных мер представляет собой нарушение ими своих обязательств по Факультативному протоколу относительно добросовестного сотрудничества. На настоящий момент от государства-участника не поступило никакого ответа.

Факты в изложении автора

2.1 17 марта 2017 года сын автора был приговорен Гомельским областным судом к смертной казни за убийство двух человек. При вынесении приговора суд принял во внимание наличие у обвиняемого трех судимостей, в том числе за убийство, совершенное в несовершеннолетнем возрасте. Согласно приговору суда, 4 марта 2016 года сын автора, находясь в состоянии алкогольного опьянения, убил своих соседей — пожилую пару. Хотя сын автора признался в содеянном, он утверждал, что сделал это в целях самообороны, поскольку пожилые люди первыми напали на него, когда он зашел к ним попросить ножницы.

2.2 27 марта 2017 года сын автора подал апелляцию в Верховный суд Беларуси. 6 и 16 июня 2017 года он представил дополнительные документы к своей апелляции. Верховный суд 30 июня 2017 года оставил решение суда первой инстанции без изменения. 19 июля 2017 года сын автора подал на имя первого заместителя Председателя Верховного суда жалобу в порядке надзора, которая была оставлена без удовлетворения 8 августа 2017 года. Автор отмечает, что тот же заместитель Председателя Верховного суда был членом апелляционной коллегии, отклонившей апелляцию сына автора 30 июня 2017 года.

2.3 16 августа 2017 года сын автора обратился с еще одной надзорной жалобой — к Председателю Верховного суда. 15 сентября 2017 года другой заместитель Председателя Верховного суда, сославшись на решение от 8 августа 2017 года, отказал в удовлетворении этой второй жалобы. Сын автора также подал ходатайство о помиловании президенту, но сделал это без особой надежды на успех, поскольку в истории современной Беларуси был только один случай помилования президентом человека, приговоренного к смертной казни.

2.4 Автор утверждает, что, помимо вышеупомянутых жалоб, его сын подал множество других обращений в Следственный комитет Беларуси, Верховный суд и Генеральную прокуратуру, но безрезультатно. Автор констатирует, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что права его сына, закрепленные в статье 6 Пакта, были нарушены, поскольку он был приговорен к смертной казни по итогам несправедливого судебного разбирательства.

3.2 Автор также утверждает, что были нарушены права его сына по статье 7 Пакта, поскольку в период между его задержанием и первым допросом он подвергался пыткам и психологическому давлению, в результате чего признался в совершении инкриминируемых ему деяний¹. Автор далее утверждает, что тот факт, что его сын был приговорен к смертной казни, сам по себе представляет пытку и причиняет страдания его семье и близким в нарушение статьи 7 Пакта.

3.3 Автор утверждает, что были нарушены права его сына, закрепленные в статье 9 Пакта, поскольку он был задержан незаконно и безосновательно. Сообщение об обнаружении тел двух пожилых соседей поступило в полицию 5 марта 2016 года, в 11 ч 15 мин утра, т. е. тогда же, когда был задержан сын автора, что означает, что до задержания полиция не могла получить никаких доказательств его причастности к этому преступлению. Автор утверждает, что все доказательства, включая признательные показания его сына, были получены в период после его задержания в 11 ч 15 мин утра до его допроса в 21 ч 59 мин. Наконец, автор обращает внимание на то, что постановление о заключении под стражу его сына было вынесено прокурором 10 марта 2016 года, а к судье его сын был доставлен 8 февраля 2017 года, т. е. только через 11 месяцев после задержания².

3.4 Автор утверждает, что были нарушены права его сына по пункту 1 статьи 14 Пакта, поскольку судья был настроен против него и позволил прокурору высказать свое личное негативное мнение об обвиняемом во время судебного заседания.

3.5 Автор утверждает, что были нарушены права его сына по пункту 2 статьи 14 Пакта, поскольку во время судебного разбирательства сын находился в металлической клетке и был закован в наручники. Более того, еще до вступления приговора в силу³ сын должен был носить тюремную форму с надписью «исключительная мера наказания». Во время судебного процесса несколько средств массовой информации, публикуя статьи о деле сына, называли его убийцей и, раскрывая некоторые подробности дела, ссылались на пресс-секретаря Гомельского областного суда.

3.6 Автор утверждает, что были нарушены права его сына, предусмотренные пунктом 3 а), b), d), e) и g) статьи 14 Пакта, поскольку сын не был уведомлен о своих правах в момент задержания. Хотя задержание сына автора состоялось 5 марта 2016 года, в 11 ч 15 мин, а допрос — между 21 ч 59 мин и 23 ч 59 мин того же дня, суд не попытался выяснить, что происходило в период между задержанием и первым официальным допросом. Автор утверждает, что его сына допрашивали в течение двух с половиной часов в местном отделении милиции, однако официальный протокол допроса отсутствует. В течение этого периода (между задержанием и допросом) сыну автора не был предоставлен доступ к адвокату, несмотря на то что в соответствии с законодательством во всех случаях, когда речь идет об особо тяжких преступлениях, участие адвоката является обязательным с момента фактического задержания (автор отмечает, что его сын не мог позволить себе нанять частного адвоката). Когда сыну автора, наконец, предоставили адвоката, он не смог пообщаться с ним конфиденциально. Автор также утверждает, что его сын был лишен возможности ознакомиться с некоторыми материалами дела до начала судебного разбирательства, и ему не разрешили вызвать или провести перекрестный допрос нескольких свидетелей, включая экспертов, которые представили результаты экспертиз в заключениях от 22 марта 2016 года (результаты анализа ДНК), 4 апреля 2016 года (результаты вскрытия) и 16 мая 2016 года (результаты исследования пятен крови).

¹ Отец не представляет подробной информации о том, как и когда обвиняемый подвергался пыткам, и не сообщает каких-либо других сведений. Эти утверждения также отсутствуют в жалобах, поданных в суды в Беларуси. Утверждения о пытках впервые появляются в сообщении, представленном Комитету, и главным образом сводятся к заявлению о том, что сам факт вынесения смертного приговора сыну автора является пыткой.

² В Беларуси прокурор наделен правом выносить постановление о заключении под стражу.

³ Сразу после вынесения приговора и назначения наказания осужденному дается короткий промежуток времени — обычно десять суток — для обжалования решения, и в течение этого времени приговор и назначенная мера наказания считаются еще не вступившими в законную силу, хотя осужденный и помещается в тюрьму, если приговор предусматривает лишение свободы.

Психиатрическое освидетельствование сына автора показало наличие у него легкого психического расстройства с поведенческими нарушениями и алкогольной зависимости.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 27 марта 2018 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Государство-участник сообщает, что сын автора был признан виновным в убийстве двух лиц, совершенном в 2016 году. Он был осужден и приговорен к смертной казни. Он подал апелляцию в Верховный суд Беларуси, и 30 июня 2017 года Верховный суд оставил в силе решение нижестоящего суда. В своем решении Верховный суд постановил, что приговор и назначенное наказание являются законными, обоснованными и справедливыми. В этот же день вынесенный приговор вступил в законную силу.

4.2 Решение Верховного суда от 30 июня 2017 года было дважды обжаловано в порядке надзора. В удовлетворении этих жалоб было отказано 8 августа и 15 сентября 2017 года. Адвокатом сына автора были поданы дополнительные надзорные жалобы, которые также были отклонены 28 ноября 2017 года и 15 февраля и 15 марта 2018 года. В соответствии со статьями 404, 407 и 408 Уголовно-процессуального кодекса сын автора имел право подать жалобу в порядке надзора Генеральному прокурору, Председателю и заместителям Председателя Верховного суда. Генеральная прокуратура отклонила ходатайства сына о вступлении в дело 22 сентября 2017 года и 8 января 2018 года.

4.3 Государство-участник отмечает, что сын автора сообщения также обратился к президенту с ходатайством о помиловании, которое на момент представления сообщения все еще находилось на рассмотрении. В соответствии со статьей 175 Уголовно-исполнительного кодекса приговор к смертной казни не должен приводиться в исполнение до вынесения решения по ходатайству о помиловании.

4.4 Что касается утверждений по статье 14 Пакта, государство-участник заявляет, что они являются необоснованными и не подтверждаются фактическими обстоятельствами дела. Сыну автора был предоставлен доступ к справедливому, компетентному и независимому суду, его апелляция была рассмотрена с участием его адвокатов, и ему были разъяснены его права. Его права также были разъяснены ему во время задержания, что он признал, подписав соответствующий протокол 5 марта 2016 года. Он также был уведомлен о праве обжаловать задержание и заключение под стражу, но с такими жалобами не обращался. После завершения расследования сын автора и его тогдашний адвокат ознакомились с материалами дела и не подали никаких возражений или ходатайств.

4.5 В ходе судебного разбирательства и обвинение, и защита имели возможность пользоваться своими правами, предусмотренными Уголовно-процессуальным кодексом. Интересы сына автора представляли два адвоката.

4.6 Государство-участник считает, что заявления по статье 6 Пакта также неубедительны. Статья 6, защищающая право на жизнь, гласит, в частности, что никто не должен быть произвольно лишен жизни. Вместе с тем в странах, где смертная казнь не отменена, она может назначаться за совершение особо тяжких преступлений, на основании окончательного приговора компетентного суда. Статья 24 Конституции Беларуси также предусматривает, что смертная казнь до ее отмены может применяться как исключительная мера наказания за самые тяжкие преступления. При назначении данного наказания суд учел все обстоятельства дела, такие как необходимость обеспечения общественной безопасности, цели и последствия действий подсудимого, его характер и личные качества. Суд также принял во внимание отягчающие обстоятельства, такие как тот факт, что во время совершения преступления подсудимый находился в состоянии алкогольного опьянения.

4.7 Что касается жалоб на незаконные задержание и заключение под стражу, государство-участник утверждает, что эти процедуры были осуществлены в

соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса и в установленные им сроки.

4.8 В свете вышеизложенного государство-участник считает, что данное сообщение, представленное Комитету, является полностью необоснованным.

Комментарии автора сообщения к замечаниям государства-участника

5.1 В представлении от 12 июля 2018 года автор утверждает, что государство-участник не представило никаких конкретных опровержений его заявлений. Процедура пересмотра в порядке надзора, на которую ссылается государство-участник, не считается эффективным средством правовой защиты и не нуждается в исчерпании для целей настоящего сообщения. Тем не менее сын автора и его адвокат подали все возможные апелляции в надежде защитить права сына. Надзорная процедура является дискреционной и зависит от желания суда или прокурора принести протест. Судебное заседание, в случае его назначения, проводится в закрытом режиме. Комитет уже давно считает это средство неэффективным. Комитет также считает неэффективным средством правовой защиты ходатайства о помиловании, адресованные президенту.

5.2 Кроме того, в рамках надзорной процедуры обвиняемые и их адвокаты не информируются о результатах рассмотрения жалоб. В некоторых случаях обвиняемые узнают о том, что их жалоба была отклонена, непосредственно перед приведением в исполнение приговора. Сама смертная казнь исполняется непублично, при этом осужденные, их адвокаты и члены их семей не информируются о времени и дате казни.

Отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника

6.1 Комитет отмечает, что государство-участник не выполнило просьбу Комитета о принятии временных мер, казнив сына автора до того, как Комитет завершил рассмотрение сообщения.

6.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 39 Пакта он уполномочен устанавливать свои собственные правила процедуры, которые государства-участники согласились признавать. Комитет также отмечает, что, присоединяясь к Факультативному протоколу, государство — участник Пакта признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения какого-либо из прав, изложенных в Пакте (преамбула и статья 1 Факультативного протокола). Присоединение государства к Факультативному протоколу предполагает обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом, с тем чтобы позволить ему рассматривать такие сообщения, а по их рассмотрении сообщать свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу (пункты 1 и 4 статьи 5). Любые действия государства-участника, которые затрудняют или срывают рассмотрение и изучение Комитетом сообщений и изложение им своих соображений, несовместимы с обязательствами государства-участника по статье 1 Факультативного протокола⁴.

6.3 Что касается рассматриваемого дела, Комитет отмечает, что, когда автор представил сообщение 31 января 2018 года, он сообщил Комитету, что его сын был приговорен к смертной казни и что приговор может быть приведен в исполнение в любой момент. Комитет 1 февраля 2018 года препроводил государству-участнику просьбу не приводить в исполнение смертный приговор, пока дело находится на рассмотрении Комитета. В июле 2018 года Комитету стало известно, что, несмотря на просьбу о принятии временных мер, сын автора был казнен. Комитет отмечает в качестве неоспоримого тот факт, что данная казнь была исполнена при полном

⁴ См., в частности, *Пиандионг против Филиппин* (CCPR/C/70/D/869/1999 и Corr.1), п. 5.1; *Максудов против Кыргызстана* (CCPR/C/93/D/1461, 1462, 1476 и 1477/2006), пп. 10.1–10.3; и *Юзепчук против Беларуси* (CCPR/C/112/D/1906/2009), п. 6.2.

пренебрежении адресованной государству-участнику просьбой о принятии временных мер защиты.

6.4 Комитет вновь заявляет, что, помимо любого нарушения государством — участником Пакта, обнаруженного в сообщении, государство-участник серьезно нарушает свои обязательства по Факультативному протоколу в том случае, если своими действиями оно затрудняет или срывает рассмотрение Комитетом любого сообщения, в котором говорится о нарушении Пакта, или делает рассмотрение сообщения Комитетом спорным, а выражение его соображений, касающихся выполнения обязательств государства-участника по Пакту, — безрезультатным и бесполезным⁵. В рассматриваемом случае автор утверждал, что права его сына, предусмотренные различными положениями Пакта, были нарушены таким образом, что это непосредственно отразилось на законности вынесенного ему смертного приговора. Будучи уведомленным о сообщении и о просьбе Комитета о применении временных мер защиты, государство-участник серьезно нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, казнив предполагаемую жертву до завершения рассмотрения Комитетом настоящего сообщения.

6.5 Комитет напоминает, что временные меры, которые предусмотрены правилом 94 его правил процедуры, принятых в соответствии со статьей 39 Пакта, имеют важнейшее значение для выполнения им своей роли в соответствии с Факультативным протоколом в том, что касается недопущения причинения непоправимого ущерба жертве предполагаемого нарушения. Нарушение этого правила, особенно в виде принятия необратимых мер, в данном случае казни сына автора, подрывает принцип защиты предусмотренных в Пакте прав посредством Факультативного протокола⁶.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

7.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что сын автора не исчерпал все имевшиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты, поскольку он сам не обратился с ходатайством о пересмотре в порядке надзора в Генеральную прокуратуру и Верховный суд. Комитет отмечает, что адвокатом сына автора было подано несколько таких жалоб, и все они были оставлены без удовлетворения (пункт 4.2). Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой обращение в прокуратуру с ходатайством о возбуждении надзорного производства для пересмотра вступивших в силу судебных решений, удовлетворение которого зависит от дискреционных полномочий прокурора, не является средством правовой защиты, подлежащим исчерпанию для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола⁷. Он считает также, что обращение к председателю какого-либо суда с ходатайством о пересмотре в порядке надзора судебных решений, вступивших в законную силу и являющихся предметом дискреционных полномочий суда, представляет собой чрезвычайное средство правовой защиты и что государство-участник должно доказать наличие разумных

⁵ См., в частности, *Идиева против Таджикистана* (CCPR/C/95/D/1276/2004), п. 7.3; и *Ковалева и Козяр против Беларуси* (CCPR/C/106/D/2120/2011), п. 9.4.

⁶ См., в частности, *Саидова против Таджикистана* (CCPR/C/81/D/964/2001), п. 4.4; *Толипхуджаев против Узбекистана* (CCPR/C/96/D/1280/2004), п. 6.4; и *Ковалева и Козяр против Беларуси*, п. 9.5.

⁷ *Алексеев против Российской Федерации* (CCPR/C/109/D/1873/2009), п. 8.4.

оснований полагать, что в обстоятельствах рассматриваемого дела такое ходатайство будет эффективным средством правовой защиты⁸. В рассматриваемом деле государство-участник, однако, не сообщило, когда и в скольких случаях по делам, касающимся права на справедливое судебное разбирательство, ходатайства на имя Председателя Верховного суда с просьбой о проведении надзорного производства были удовлетворены. Ввиду этих обстоятельств и в том, что касается надзорной процедуры, Комитет считает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им настоящего сообщения⁹.

7.4 Что касается требований, установленных в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, то Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что на момент представления сообщения сын автора не исчерпал все внутренние средства правовой защиты, в частности поскольку поданное им президенту ходатайство о помиловании все еще находилось на рассмотрении. В этой связи и в свете информации о казни сына автора Комитет подтверждает свою сложившуюся правовую практику, в соответствии с которой помилование президентом представляет собой чрезвычайное и внесудебное средство правовой защиты¹⁰, в силу чего оно не является эффективным средством правовой защиты для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Кроме того, в данном случае само по себе помилование не могло стать достаточным средством правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что в том, что касается президентского помилования, требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению им сообщения.

7.5 Комитет принял во внимание жалобы автора по статье 7 и пунктам 1 и 3 g) статьи 14 Пакта. Однако с учетом отсутствия в материалах дела какой-либо дополнительной соответствующей информации и общего характера этих утверждений автора Комитет считает, что автор недостаточно обосновал их для целей приемлемости. Соответственно, он объявляет эту часть сообщения неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

7.6 Комитет также принял к сведению утверждения автора о том, что государство-участник нарушило права его сына по пунктам 1, 2 и 4 статьи 9 и пункту 3 a), b) и d) статьи 14 Пакта. Ввиду отсутствия дополнительной информации Комитет не может установить, были ли исчерпаны внутренние средства правовой защиты в отношении этих конкретных утверждений, и поэтому приходит к выводу, что на основании пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола он не может рассматривать эту часть сообщения.

7.7 Комитет считает, что остальные утверждения автора, в которых ставится вопрос о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 6, пункта 3 статьи 9 и пунктов 2 и 3 e) статьи 14 Пакта, достаточно обоснованы для целей приемлемости и переходит к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет рассмотрел настоящее дело с учетом всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Что касается утверждений о нарушении прав сына автора, предусмотренных пунктом 3 статьи 9 Пакта, Комитет напоминает, что, согласно пункту 3 статьи 9,

⁸ *Гелазаскас против Литвы* (CCPR/C/77/D/836/1998), п. 7.4; *Секерко против Беларуси* (CCPR/C/109/D/1851/2008), п. 8.3; *Процко и Толчин против Беларуси* (CCPR/C/109/D/1919-1920/2009), п. 6.5; *Шумилин против Беларуси* (CCPR/C/105/D/1784/2008), п. 8.3; и *П. Л. против Беларуси* (CCPR/C/102/D/1814/2008), п. 6.2.

⁹ См., в частности, *Костенко против Российской Федерации* (CCPR/C/115/D/2141/2012), п. 6.3; и *Дорофеев против Российской Федерации* (CCPR/C/111/D/2041/2011), п. 9.6.

¹⁰ *Сингараса против Шри-Ланки* (CCPR/C/81/D/1033/2001), п. 6.4; *Чисанга против Замбии* (CCPR/C/85/D/1132/2002), п. 6.3; *Ковалева и Козяр против Беларуси*, п. 10.4; и *Селюн против Беларуси* (CCPR/C/115/D/2289/2013), п. 6.3.

каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо должно быть в срочном порядке доставлено к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть. Комитет также напоминает, что, хотя точное значение слов «в срочном порядке» может различаться в зависимости от фактических обстоятельств, задержка не должна превышать нескольких дней с момента ареста. По мнению Комитета, 48 часов, как правило, достаточно для доставки отдельных лиц, а также для подготовки судебного слушания; и любая задержка сверх 48 часов должна носить сугубо исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами¹¹. Комитет принимает к сведению неоспоренные утверждения автора о том, что его сын был задержан 5 марта 2016 года, получил от прокурора официальное уведомление о заключении под стражу до суда 10 марта 2016 года, а доставлен к судье был лишь 8 февраля 2017 года. Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 35 (2014), в котором он отметил, что неотъемлемым элементом надлежащего осуществления судебной власти является принцип, согласно которому она должна осуществляться независимым, объективным и беспристрастным в отношении рассматриваемых вопросов органом, и что государственный прокурор не может считаться должностным лицом, правомочным осуществлять судебную власть в соответствии с пунктом 3 статьи 9¹². С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что известные ему факты свидетельствуют о том, что сын автора не был в срочном порядке доставлен к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, как того требует пункт 3 статьи 9 Пакта. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что вышеупомянутые факты свидетельствуют о нарушении прав сына автора, предусмотренных пунктом 3 статьи 9 Пакта.

8.3 Комитет также принимает к сведению утверждения о том, что в деле сына автора был нарушен принцип презумпции невиновности, поскольку в ходе судебного заседания он был закован в наручники и содержался в клетке, а также был вынужден носить тюремную форму для заключенных, приговоренных к смертной казни, до того, как приговор вступил в законную силу. В этой связи Комитет напоминает о своей практике, отраженной также в пункте 30 его замечания общего порядка № 32 (2007), согласно которой презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. В том же замечании общего порядка Комитет также указывает, что в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, а средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, что это подрывало бы презумпцию невиновности¹³. Исходя из представленной ему информации и ввиду того, что государство-участник не представило никаких других сведений или доводов относительно распространенности практики использования наручников в отношении подсудимых, обвиняемых в уголовных преступлениях, и их содержания в клетке и применения этой практики в данном конкретном случае, включая необходимость содержания сына автора в наручниках и в клетке на протяжении всего судебного процесса, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о том, что право сына автора на презумпцию невиновности, предусмотренное пунктом 2 статьи 14 Пакта, было нарушено.

8.4 Кроме того, Комитет рассматривает утверждения автора о том, что права его сына на вызов, обеспечение явки и допрос свидетелей были нарушены тем, что

¹¹ См. Замечание общего порядка Комитета № 35 (2014), п. 33.

¹² Там же, п. 32.

¹³ См. также *Пустовойт против Украины* (CCPR/C/110/D/1405/2005), п. 9.2.

несколько судебно-медицинских экспертов, дававших показания в ходе следствия, не были вызваны в суд или допрошены в нем. Что касается возможности лица требовать присутствия свидетелей и допрашивать или подвергать их перекрестному допросу, Комитет напоминает, что эта гарантия важна для обеспечения эффективной защиты обвиняемым и его адвокатом¹⁴. Вместе с тем право обвиняемого на допрос свидетелей, показывающих в его или ее пользу, не является абсолютным. Обвиняемый имеет лишь право на допуск свидетелей, имеющих значение для защиты, а также на предоставление надлежащей возможности опросить и оспорить заявления показывающих против него свидетелей на одной из стадий судопроизводства¹⁵.

8.5 В данном деле Комитет отмечает, что из представленных автором материалов, включая материалы, касающиеся первоначального приговора, следует, что ни один из экспертов, представивших результаты многочисленных экспертиз, в том числе в заключениях от 22 марта 2016 года (результаты анализа ДНК), 4 апреля 2016 года (результаты вскрытия) и 16 мая 2016 года (результаты исследования пятен крови), не был вызван для дачи показаний в суд и что поэтому адвокат сына автора не смог задать им вопросы или провести перекрестный допрос. Комитет отмечает, что государство-участник не представляет соответствующих объяснений по поводу отсутствия на судебных заседаниях свидетелей-экспертов, которые сообщили важные сведения криминалистического характера. Поэтому Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела и отсутствия соответствующих разъяснений со стороны государства-участника налицо нарушение государством-участником прав сына автора, предусмотренных пунктом 3 е) статьи 14¹⁶.

8.6 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что смертная казнь не запрещена в тех случаях, когда назначается за самые тяжкие преступления (см. пункт 4.6 выше). Это предусмотрено пунктом 2 статьи 6 Пакта. Комитет по правам человека указал, что термин «самые тяжкие преступления» должен толковаться ограничительно и означать только преступления крайней тяжести, связанные с умышленным убийством¹⁷. Сын автора был приговорен к смертной казни после того, как был признан виновным в совершении убийства, которое относится к категории самых тяжких преступлений. Однако Пакт предусматривает также, что вынесение смертного приговора с соблюдением статьи 6 Пакта требует строгого выполнения требований справедливого судебного разбирательства¹⁸.

8.7 Автор утверждает, что право его сына на жизнь, закрепленное в статье 6 Пакта, было нарушено, поскольку он был приговорен к смертной казни по итогам несправедливого судебного разбирательства. В этой связи Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой вынесение приговора к смертной казни по окончании судебного разбирательства, проведенного без соблюдения положений статьи 14 Пакта, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта¹⁹. Комитет напоминает, что в судебных разбирательствах, которые могут привести к назначению смертной казни, тщательное соблюдение гарантий справедливого судебного разбирательства является особенно важным²⁰. Кроме того, Комитет напоминает, что, если в ходе судебного процесса, приведшего к вынесению смертного приговора, имели место нарушения предусмотренных в статье 14 Пакта гарантий справедливого судебного разбирательства, такой приговор носит произвольный характер и является

¹⁴ Замечание общего порядка № 32 (2007).

¹⁵ См. *Аллабердиев против Узбекистана* (CCPR/C/119/D/2555/2015), п. 8.8.

¹⁶ См. также *Дугин против Российской Федерации* (CCPR/C/81/D/815/1998), п. 9.3; и *Раус против Филиппин* (CCPR/C/84/D/1089/2002), п. 7.5.

¹⁷ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 35

¹⁸ Там же, п. 41.

¹⁹ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 59. См. также *Леви против Ямайки* (CCPR/C/64/D/719/1996), п. 7.3; *Курбанова против Таджикистана* (CCPR/C/79/D/1096/2002), п. 7.7; *Шукурова против Таджикистана* (CCPR/C/86/D/1044/2002), п. 8.6; *Идиева против Таджикистана*, п. 9.7; *Хорошенко против Российской Федерации* (CCPR/C/101/D/1304/2004), п. 9.11; *Гунан против Кыргызстана* (CCPR/C/102/D/1545/2007), п. 6.5; и *Грунов и Грунова против Беларуси* (CCPR/C/123/D/2375/2014-CCPR/C/123/D/2690/2015), п. 8.6.

²⁰ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 59.

нарушением статьи 6 Пакта. Такие нарушения могут включать в себя несоблюдение презумпции невиновности, которое может проявляться в помещении обвиняемого в клетку или надевании на него наручников во время судебного разбирательства²¹. В свете выводов Комитета о нарушении пунктов 2 и 3 е) статьи 14 Пакта, касающихся несоблюдения презумпции невиновности и отсутствия у сына автора возможности провести перекрестный допрос свидетелей-экспертов, Комитет приходит к заключению, что при вынесении сыну автора окончательного смертного приговора и последующем приведении этого приговора в исполнение не были соблюдены требования статьи 14 и что в результате было также нарушено его право на жизнь, предусмотренное статьей 6 Пакта.

9. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав сына автора, предусмотренных статьей 6, пунктом 3 статьи 9 и пунктами 2 и 3 е) статьи 14 Пакта. Кроме того, Комитет считает, что, не выполнив просьбу Комитета о принятии временных мер, государство-участник нарушило свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Оно обязано предоставить полное возмещение лицам, чьи права по Пакту были нарушены. В данном случае государство-участник обязано предоставить автору адекватную компенсацию за нарушения, жертвой которых стал его сын. Помимо этого, государство-участник обязано, в частности, принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также обнародовать и широко распространить настоящие Соображения на своих официальных языках.

²¹ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 41.

Приложение

Совместное (согласное) мнение членов Комитета Яда Бена Ашура и Элен Тигруджа

1. Хотя мы полностью согласны с позицией Комитета по существу претензий и с его выводом (п. 9)¹, иными словами с тем, что представленные факты свидетельствуют о нарушении права на жизнь, права на личную свободу и права на справедливое судебное разбирательство, мы выражаем свое неудовольствие по процедурному, но критическому аспекту дела, касающемуся невыполнения Беларусью временных мер, принятых Комитетом, и отсутствия сотрудничества со стороны государства на протяжении всего процесса.

2. В феврале 2018 года Комитет просил государство-участник не приводить в исполнение смертный приговор, вынесенный сыну автора, пока дело находится на рассмотрении Комитета (п. 1.2). Однако через несколько месяцев после направления этого обращения Комитет был проинформирован о том, что сын автора был казнен (п. 1.3). Беларусь никак не пояснила столь вопиющее нарушение временных мер и своей обязанности сотрудничать с Комитетом.

3. Наше недовольство вызвано тем фактом, что противоправное поведение Беларуси не было должным образом отражено Комитетом в его Соображениях — равно как и в других решениях — и Комитету пора изменить и прояснить свою позицию. Анализ действий государства приводится в разделе «Отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника», который предшествует разделу «Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете». В пункте 6.4 Комитет использует жесткие формулировки для оценки действий государства и вновь заявляет, что государство-участник серьезно нарушает свои обязательства по Факультативному протоколу в том случае, если своими действиями оно затрудняет или срывает рассмотрение Комитетом сообщения, в котором говорится о нарушении Пакта, или делает рассмотрение сообщения Комитетом спорным, а выражение его соображений, касающихся выполнения обязательств государства-участника по Пакту, — безрезультатным и бесполезным. Это согласуется с его предыдущей практикой и позицией других международных судов, трибуналов и органов, рассматривающих международное обязательство государств соблюдать временные или предупредительные меры².

4. Следовательно, нет никаких юридических оснований для отделения раздела об отсутствии сотрудничества от раздела о вопросах и процедуре их рассмотрения. Напротив, это размывает правовую аргументацию Комитета и посыл, адресованный государствам-участникам. В заключительной части пункта 9 Комитет приходит к выводу, что, не выполнив просьбу Комитета о принятии временных мер, государство-участник нарушило свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола. Это ясно показывает, что Комитет действительно обнаружил нарушение международного процессуального обязательства, а именно обязательства государств — участников Факультативного протокола обеспечить эффективный доступ к механизму рассмотрения индивидуальных жалоб Комитета. Соответственно, невыполнение временных мер должно было быть рассмотрено в разделе, посвященном вопросам и процедуре их рассмотрения³. Процессуальные обязательства — это

¹ Если не указано иное, пункты в скобках относятся к Соображениям Комитета.

² См. Европейский суд по правам человека, *Mamatkulov and Askarov v. Turkey*, applications Nos. 46827/99 and 46951/99, Judgment, 4 February 2005, paras. 99 ff. См. также Неймегенские принципы и руководящие положения о временных мерах по защите прав человека, разработанные группой ученых в 2021 году (URL: <http://www.ru.nl/law/ster/research/nijmegen-principles-and-guidelines-on-interim/read-the-nijmegen-principles-2021/>).

³ На самом деле, в других Соображениях, принятых на той же сессии, Комитет руководствовался другим подходом и включил пункты об отсутствии сотрудничества

международные обязательства, за выполнение которых государства несут ответственность.

5. Некоторые ученые прямо призывают к совершенствованию судебной практики и, в частности, подчеркивают, что «международные судьи должны указывать правовые последствия несоблюдения и вид средства правовой защиты, требуемого в случае такого нарушения»⁴. Учитывая серьезные и необратимые последствия нарушения временных мер в делах, связанных со смертной казнью, Комитету пора занять четкую, последовательную и юридически обоснованную позицию по этому важнейшему вопросу.

6. Поэтому мы считаем, что в данном случае такой важнейший вопрос следовало бы включить в отдельный пункт раздела Соображений, посвященного вопросам и процедуре их рассмотрения, а также в часть, касающуюся средств правовой защиты. Комитету следовало бы четко прописать последствия нарушения государством этого конкретного обязательства по Факультативному протоколу.

и о невыполнении временных мер в раздел, посвященный вопросам и процедуре их рассмотрения. См., например, *F. F. J. H. v. Argentina* (CCPR/C/132/D/3238/2018).

⁴ Неймегенские принципы и руководящие положения о временных мерах по защите прав человека.